ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2001 г. В.М. АЛПАТОВ

ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ В РАБОТАХ М.М. БАХТИНА 40–60-х ГОДОВ

В очень разнообразном наследии М.М. Бахтина достаточно большое место занимает лингвистическая проблематика. У нас этот аспект деятельности ученого во многом остается в тени, известность М.М. Бахтина как лингвиста не идет ни в какое сравнение с его известностью как литературоведа и философа (при том что за рубежом как раз этому аспекту уделяется значительное внимание). Тем не менее следует рассмотреть и тот вклад, который ученый внес в науку о языке.

Сейчас широко известно участие М.М. Бахтина в написании известной книги "Марксизм и философия языка", изданной в 1929 г. под именем его друга В.Н. Волошинова. Вопрос об авторстве этой книги крайне запутан, как и вопрос об авторстве других сочинений, изданных под тем же именем. Мы не будем здесь его рассматривать, так же как не будем специально подвергать анализу идеи упомянутой книги (далее – МФЯ), поскольку этому вопросу посвящена наша специальная статья [Алпатов 1995]. Однако для нас будет важным сопоставление идей этих сочинений конца 20-х гг. с идеями более поздних работ М.М. Бахтина, составляющих предмет рассмотрения данной статьи. Как мы увидим, несомненна общность проблематики всех этих работ и общность единой концепции, хотя кое-что в ней со временем менялось. Отметим сразу, что такая общность сама по себе никак не проливает свет на авторство спорных текстов. Она естественна и в том случае, если М.М. Бахтин развивал собственные идеи (оформленные им в книгу или доведенные до готового к печати вида соавтором), и в том случае, если он продолжал идеи своего уже покойного друга. А различия вряд ли следует интерпретировать как гипотетическую разницу точек зрения М.М. Бахтина и В.Н. Волошинова: за несколько десятилетий взгляды самого Михаила Михайловича могли измениться.

Из текстов по лингвистике, над которыми М.М. Бахтин работал в Савелове и Саранске, при его жизни был издан лишь один, по времени самый поздний из тех, о которых мы будем говорить: фрагмент о лингвистике и металингвистике, включенный в изданную в 1963 г. книгу "Проблемы поэтики Достоевского" (книга, как известно, являлась переработкой изданной в 1929 г. книги "Проблемы творчества Достоевского", но данный фрагмент появился лишь здесь). Другие тексты, частично издававшиеся посмертно в 70–90-х гг., в наиболее полном виде были опубликованы в вышедшем в 1996 г. пятом томе пока еще не завершеного собрания сочинений М.М. Бахтина; на это издание мы в дальнейшем будем ссылаться, указывая в ссылках лишь номера страниц; также будут даваться и ссылки на комментарии этого издания, занимающие стр. 510–658.

В собрание сочинений включены следующие тексты: "Вопросы стилистики на уроках русского языка в школе" (1945), "Диалог", "Диалог. I", "Диалог. II", "Подготовительные материалы" (1951–1953), "Проблема речевых жанров" (1953–1954), "Язык в художественной литературе" (1954–1955), "Проблема текста" (1959–1960), "1961 год. Заметки". Все это либо черновики, конспекты чужих работ, отдельные

фрагменты, либо связанные, но отражающие некоторые промежуточные этапы незавершенных работ тексты: "Диалог" – тезисы доклада, "Проблема текста" – развернутый план работы, "Проблема речевых жанров" – незаконченная статья. Лишь "Вопросы стилистики на уроках русского языка в школе" производят впечатление завершенной, но до конца не отделанной статьи. Нет никаких данных о том, что автор предпринимал какие-то попытки опубликовать свои работы, дошедшие в результате к читателю с большим опозданием.

Комментарии к тому, в основном в данной его части выполненные Л.А. Гоготишвили ("Вопросы стилистики..." прокомментированы совместно с О.С. Савчук), в целом производят очень хорошее впечатление. Особенно хочется отметить рассмотрение бахтинских текстов в контексте советской науки о языке того времени, выявление скрытых цитат и намеков на те или иные работы, прежде всего постоянного бахтинского оппонента В.В. Виноградова.

Однако мы не можем согласиться с одним из исходных пунктов их концепции. Л.А. Гоготишвили априорно считает, что взгляды М.М. Бахтина сформировались в самом начале его деятельности, чуть ли не в Невеле или даже в Петрограде (хотя нет никаких данных о его интересе к лингвистике в те годы), а потом "глубинно" никогда не менялись. Она пишет, например: «Никакие "тактические" изменения в "терминологической оболочке" бахтинских текстов разных годов не касались внутреннего сущностного "ядра" его лингвофилософской позиции..., оставшегося стабильным по своим основным параметрам начиная с 20-х и вплоть до 70-х годов» (с. 620). Отмеченные ею (в основном верно) различия между МФЯ и работами 50–60-х гг. трактуются как вступление автора "в чужое для себя смысловое пространство предполагаемого читателя-лингвиста" (с. 557). МФЯ признается более адекватным отражением "ядра" его взглядов, а поздние сочинения, особенно "Проблема речевых жанров" (далее – РЖ), оцениваются как написанные "с условно принятой чужой позиции" (с. 537). Более того, "прямого слова в лингвистических работах М.М. Бахтина нет" (с. 560). При этом сама Л.А. Гоготишвили признает, что "авторское слово" этого ученого, рассматриваемое ею как эталон, от которого в той или иной степени отклоняются известные нам тексты, до конца не поддается реконструкции; она лишь предполагает, что его "истинная" точка зрения имеет религиозный характер и близка "православному энергетизму" (с. 633). Однако как этот энергетизм связан с лингвистикой, остается неясным.

Мы будем исходить из другой гипотезы, на наш взгляд, более правдоподобной. Согласно ей, М.М. Бахтин был не пророк, а ученый, не озаренный светом истины, а искавший ее. Он искал истину сначала вместе с В.Н. Волошиновым и другими друзьями, потом вынужденно один, пытался ее формулировать, где-то приближался к ней, где-то не находил путей. Сохраняя некоторое "ядро", он от чего-то отказывался, что-то формулировал заново. Далее мы попробуем это показать.

Отметим еще один, на наш взгляд, недостаток в целом хорошего издания 1996 г. Из текстов РЖ и подготовительных материалов к ним изъяты все цитаты из брошюры И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания" вместе с обрамляющими их фразами М.М. Бахтина. Нам такой подход представляется неисторичным. Купюр в научном издании лучше избегать.

1. "ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ"

Этот текст, неизвестно для каких целей написанный, относится к последним месяцам жизни М.М. Бахтина в Савелове и его преподавания в школе. Вероятно, он писался в качестве методической разработки. Поэтому как раз в этом тексте можно увидеть некоторое упрощение терминологии и концепции в целом. Например, только здесь речь ни разу в отличие от саранских текстов не заходит о высказывании, говорится лишь о словах и предложениях. Единственный раз во всем наследии М.М. Бахтина обсуждаются проблемы методики школьного преподавания. И в то же время затронуты проблемы лингвистической теории.

Оценки лингвистических школ в этом тексте (далее – ВС) соответствуют МФЯ: лучшими в отечественной традиции признаются работы А.А. Потебни, а идеи А.М. Пешковского вновь подвергаются критике. И полемика с ним очень похожа на то, что было в третьей части МФЯ: нельзя перифразировать предложение, не учитывая его стилистических характеристик; лишь материал разный: в МФЯ говорится о переводе прямой речи в косвенную, в ВС – о преобразовании бессоюзного сложного предложения в союзное, а также сложного предложения в конструкцию с причастным оборотом.

М.М. Бахтин сравнивает два предложения: *Новость, которую я услышал, меня очень заинтересовала* и *Новость, услышанная мной сегодня, меня очень заинтересовала*. В случае причастного оборота происходит «концентрация мысли и акцента на главном "герое" этого предложения, на слове "новость"» (с. 142). В случае же сложного предложения "героев" два: *новость* и *я*. Отмечены и интонационные различия двух предложений. Примечательно появление в таком контексте термина "герой" (в широком смысле, включая и неодушевленного "героя"), встречавшегося в статье волошиновского цикла "Слово в жизни и слово в поэзии".

Детальнее рассмотрены примеры бессоюзных сложных предложений. Как и в МФЯ, подчеркивается, что минимальная трансформация вроде добавления союза может превратить предложение в совершенно неприемлемое; требуется более существенная перестройка. Пушкинскую фразу: *Печален я: со мною друга нет*, – нельзя преобразовать в **Печален я, так как со мною друга нет*; правильное преобразование – *Я печален, так как со мной нет друга* (с. 146). В другом примере, из Гоголя: *Проснулся: пять станций убежало назад*, – также нельзя сказать: **Когда я проснулся, пять станций убежало назад*; надо сказать: *Когда я проснулся, я проехал уже пять станций* (с. 152). Но и допустимые трансформации далеко не равнозначны исходным предложениям. Предложение с союзом *так как* "грамматически и стилистически правильно", но "стало холоднее, суше, логичнее", "исчез драматический элемент предложения" (с. 147). В перифразе гоголевского примера, во-первых, исчез образ, во-вторых, опять-таки два "героя" исходной фразы (*я* и *пять станций*) не смогли сохраниться внутри одного предложения, остался один "герой" (*я*). Отмечена и необходимость изменения порядка слов: союз "ослабляет всю интонационную структуру высказывания" (с. 148), поэтому при его наличии невозможна интонационная инверсия. Еще один пример из Пушкина: *Он засмеется: все хохочут*, – вообще, по мнению автора, не трансформируется без потери существенной части смысла, поскольку событие здесь не рассказывается, а разыгрывается, тогда как любое введение союза устранило эту динамику (с. 148–149).

Все эти проблемы связываются с вопросами преподавания. В частности осуждается грамматический подход к обучению родному языку, ориентация на разбор готовых чужих текстов, тогда как "собственная устная и письменная речь" школьников "почти не обогащается новыми оборотами" (с. 144), в том числе бессоюзными сложными предложениями.

ВС – второе и последнее в работах М.М. Бахтина и его круга (после третьей части МФЯ) обращение к проблемам синтаксиса, причем в основном остающееся в пределах лингвистики, тогда как изучение чужой речи в МФЯ имело явный уклон в сферу литературоведения. Текст ВС интересен и конкретным синтаксическим анализом, где-то превосходящим будущие исследования по трансформационным грамматикам, и попыткой применения к конкретному материалу давнего понятия "героя". Л.А. Гоготивили правомерно сопоставляет его с "темой" и "фокусом" в современной лингвистике (с. 527), а также с понятиями уже разработанной к 1945 г. пражцами, но вряд ли известной тогда М.М. Бахтину концепции актуального членения (с. 524). Однако эта концепция лишь намечена, а в Саранске ученый к ней не возвращался, хотя термин "герой" изредка продолжал у него встречаться.

2. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К "ПРОБЛЕМЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ"

Как показывает проделанное публикаторами изучение бахтинского архива, на протяжении примерно десятилетия (1951–1961) в центре внимания жившего тогда в Саранске М.М. Бахтина было рассмотрение проблем лингвистики и вопросов, пограничных между лингвистикой и литературоведением. Во всяком случае почти все из опубликованного в пятом томе его наследия за эти годы связано именно с этим.

Первые годы его жизни в Саранске (1945–1951) ушли, помимо преподавания в пединституте, на долгую бюрократическую процедуру, связанную с утверждением в ВАКе диссертации о Рабле, и на вынужденную переработку текста диссертации. В 1952 г. М.М. Бахтин получил, наконец, кандидатский диплом и окончательный отказ в присуждении докторской степени. Можно было заняться чем-то другим. А толчком к выбору тематики, весьма вероятно, послужила общественная ситуация в стране, связанная с публикацией в 1950 г. статей И.В. Сталина по языкознанию.

Несомненно, играла роль общая кампания: в провинциальных институтах вроде Саранского пединститута не только преподавателей-лингвистов, но всех гуманитариев заставляли увязывать темы своих исследований с "гениальными" сталинскими трудами. И хотя М.М. Бахтин заведовал литературоведческой кафедрой и читал курсы по литературе, в его факультетских планах с 1951 г. начинает записываться такая тематика. Но вряд ли это происходило только под давлением извне. Сам Михаил Михайлович мог считать, что в тогдашней обстановке по вопросам языка можно было высказываться свободнее, чем по вопросам литературоведения или тем более философии. После неудач с публикациями книг о Гете и Рабле можно было надеяться на какой-то выход к читателю. Показательна тема доклада, который он должен был в 1952 г. сделать на ученом совете института: "Проблемы диалогической речи на основе учения И.В. Сталина о языке как средстве общения". Компромисс между предписаниями сверху и интересами самого ученого, всю жизнь занимавшегося диалогом, очевиден.

Не знаем, был ли сделан доклад, но дошедший до нас текст "Диалог" (с. 207–209), по-видимому, представляет собой его тезисы. Уже здесь мы в очень кратком виде находим основы того подхода, который потом сохранялся во всех саранских текстах: "Речь – реализация языка в конкретном высказывании... Речь подчиняется всем законам языка, в ней мы находим все его формы (словарный состав, грамматический строй, фонетику)... Но кроме форм языка в речи имеются и другие формы – формы высказывания" (с. 207). Противопоставление языка и высказывания будет стержнем всех саранских текстов, хотя понятие речи подвергнется модификации. Для понимания этой концепции надо иметь в виду, что еще в МФЯ соссюрский термин "parole" переводился как "высказывание". Однако М.М. Бахтин в 1952 г. пытался как-то учитывать и уже сложившуюся традицию, основанную на первом русском издании "Курса" Ф. де Соссюра 1933 г., где "parole" переводилось А.М. Сухотиным как "речь". Уже в этой краткой формулировке проявилось некоторое сближение с идеями Ф. де Соссюра по сравнению с МФЯ, на чем мы остановимся ниже.

Затрагивается в тезисах и другой вопрос, который позже получит развитие в РЖ: о речевых жанрах. Говорится о "классификации речи (не языка) по функциям и жанрам" (с. 207). Под "функциями" речи, по-видимому, понимаются здесь функциональные стили. Жанры более многообразны: подчеркивается "необычайное разнообразие речевых жанров и отсутствие классификации" (с. 208). Среди прочих жанров перечислены "общие жанры: диалог и монолог" (с. 208). Позже, как мы увидим, эти идеи подвергли некоторой модификации.

В докладе также упомянуты языковые средства, используемые в целях диалога, в том числе местоимения, вокативные формы, императивные и вопросительные конструкции; хотя из-за разного формального выражения их обычно разносят по разным разделам лингвистики, их необходимо объединять и "классифицировать именно как специфические формы диалогического взаимоотношения говорящих" (с. 207). Упомянуто и о роли в диалоге "форм вежливости, этикета, такта" (с. 208), на которые когда-

то обращалось внимание в "Слове в жизни и слове в поэзии". Вся эта проблематика языковых средств построения диалога почти не нашла продолжения в РЖ.

Но и после 1952 г. М.М. Бахтин продолжал работать над лингвистической тематикой. С конспектом доклада непосредственно связаны две тетради, озаглавленные им самим: "Диалог. I" и "Диалог. II". Далее идут уже не составляющие чего-то единого черновики, записи и конспекты, публикуемые в томе как "Подготовительные материалы", отражающие стадию, непосредственно предшествовавшую РЖ. Можно видеть, как первоначально главная тема диалога постепенно уходит на второй план, оттесняясь двумя другими, также присутствовавшими с первых этапов работы: проблемой высказывания и проблемой речевых жанров.

Менялись и отдельные пункты концепции. Поначалу, как и в тезисах, говорится: "Единица речи – высказывание" (с. 212); потом это будет пересмотрено. Говорится о появлении новых слов или грамматических форм "через стиль в язык" (с. 212); позднее в этом контексте будет говориться не о стиле, а о жанре. Исчезает термин "функция", которого не будет в РЖ. Диалог и монолог перестают выступать как разновидности жанров. Идут поиски того, как разграничить жанр и стиль.

Отдельные высказывания в черновиках отличаются от того, что мы привыкли читать у М.М. Бахтина: "относительность различия монолога и диалога" рассматривается как бы с двух сторон: монолог – в известной мере реплика в более обширном диалоге, но и "каждая реплика диалога в известной степени монологична" (с. 209). Как известно, и до, и после М.М. Бахтин подчеркивал первичность и реальность диалога при относительности и во многом фиктивности монолога, а тут они единственный раз как бы уравниваются в правах. Впрочем, несколькими страницами ниже говорится и о невозможности "абсолютного монолога" (с. 213).

Уже в тетради "Диалог. II" видно все большее сосредоточение на вопросах высказываний и речевых жанров. Видно, как вырабатываются критерии границ и законченности высказываний, начиная с самых простых случаев. С одной стороны, это специальные маркеры вроде латинского *Dixi* или случая явной смысловой завершенности вроде доказанной теоремы, с другой стороны, прямые указания на незавершенность высказывания вроде *Подождите, я еще не кончил* (с. 221, 227). В РЖ все это отойдет на второй план и будет предложен очень простой способ проведения границ высказываний, в черновиках поначалу его еще нет.

Видна также и постепенная разработка проблемы жанров, при этом с начала и до конца сохраняется отнесение жанра к сфере высказывания, а не языка. Также подчеркивается ограниченность чисто литературоведческого понимания жанров: "Разработана только теория литературных жанров, но разработана на специфической узкой основе Аристотеля и неоклассицизма" (с. 222); но в то же время "классификации форм бытового диалога до сих пор нет" (с. 233). Как замечает Л.А. Гоготишвили, в этих текстах нет "последовательного терминологического разведения" высказывания и речевых жанров (с. 590); см. такую формулировку: "Общие основные признаки высказывания (т.е. всех речевых жанров)" (с. 263). Комментатор упоминает и о "терминологической неустойчивости текста РЖ" (с. 585). В целом, однако, терминология постепенно в ходе работы приобретает строгость, которая в итоге больше, чем в подготовительных материалах и чем в МФЯ и примыкающих публикациях.

Ряд затронутых в подготовительных материалах тем потом не нашел отражения в РЖ. Среди "общих основных признаков высказывания" (с. 263) выделены отношение высказывания к действительности, к истине, событийность высказывания, различение замысла и выполнения (о последнем кратко будет говориться уже в "Проблеме текста"). Упомянуты проблемы контекста и контекстных значений, субъекта и предиката высказываний и др.

Еще надо отметить, что значительную часть подготовительных материалов составляют выписки из доступных в Саранске работ по лингвистике. В собрании сочинений они опубликованы далеко не полностью, однако дается их обзор. Помимо выписок и конспектов встречаются и записи, в которых определяется отношение к идеям тех или иных авторов.

В целом круг использованных работ, далеко не все из которых упомянуты потом в РЖ, распадается на две части. Во-первых, это во многом сочинения тех же авторов, в основном покойных, которые фигурировали в МФЯ: в той или иной мере упомянуты В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф.де Соссюр, К. Фосслер, А.М. Пешковский, Л.П. Якубинский, Р.О. Шор и др. К ним добавляется Л.В. Щерба, по каким-то причинам проигнорированный в МФЯ.

Второй круг авторов – современные советские лингвисты. Особенно внимательно изучался только начавший выходить журнал "Вопросы языкознания". Наряду с лингвистами, имена которых и сейчас хорошо известны (В.В. Виноградов, Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров) встречаются и уже забытые: Н.Н. Амосова, Е.Ф. Кротевич, Н.Г. Морозова и др. Нередко именно у последних отмечены сходные с авторскими идеи, например, формулировка Е.Ф. Кротевича о предложении как звене в цепи высказывания (с. 248). Но чаще видим критическое отношение, особенно к наиболее "затрагиваемому", по выражению Л.А. Гогтишвили (с. 540), из современников: В.В. Виноградову. Poleмика с ним, которую М.М. Бахтин и весь его круг вели еще в 20-е гг., продолжается и в саранских черновиках при том, что в тексте РЖ это имя, незримо присутствуя, прямо не упоминается. А в подготовительных материалах не раз говорится о "путанице понятий" у самого В.В. Виноградова и в написанной под его руководством академической грамматике русского языка, неразличение им предложения и высказывания и др.

3. "ПРОБЛЕМА РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ"

Это наиболее законченный из саранских текстов. В черновиках к нему говорится о том, что его автор готовит "журнальную статью" (с. 253). Неясно, о каком журнале шла речь: об "Ученых записках" в Саранске или, может быть, "Вопросах языкознания"? Данная тема записывалась М.М. Бахтину как плановая на 1953 год. Очевидно, что он был не менее двух лет увлечен темой, много над ней работал, в результате начал складываться текст, близкий к готовому. Можно предполагать, что статья была написана более чем наполовину, но потом заброшена.

РЖ представляет собой итоговый вариант разработки двух связанных между собой проблем: проблемы высказывания и проблемы речевых жанров. Позднее автор статьи ко второй из проблем специально не обращался, а первую разрабатывал лишь в общих чертах, например, более не касаясь вопроса о границах высказываний.

В РЖ мы видим развитие концепции, заявленной когда-то в МФЯ, где уже ставилась, в частности, проблема высказывания. Однако кое-что изменилось, прежде всего отношение к идеям Ф.де Соссюра о языке.

В МФЯ соссюровский "абстрактный объективизм" подвергся резкой критике. Язык в смысле Ф.де Соссюра не признавался объективно существующим явлением, роль этого "продукта рефлексии" над единственной реальностью – речевым потоком, сводилась лишь к ограниченной полезности при обучении чужим языкам и толковании чужих текстов.

В РЖ во многом иначе. Книга Ф.де Соссюра характеризуется как "серьезный курс" (с. 169), а два случая полемики со швейцарским ученым (см. ниже) никак не касаются ни введенного им противопоставления "язык–речь (высказывание)", ни его трактовки языка, они связаны с его трактовкой parole. И постоянно полная солидарность с данным противопоставлением. Уже в самом начале РЖ мы читаем: "Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности" (с. 159). То есть язык – не абстракция: использоваться может что-то реально существующее. Далее неоднократно (с. 174, 175, 176) говорится о "предложении как единице языка", к языку отнесено и слово (с. 192 и др.). И еще одно место: "Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств – лексических, морфологических и синтаксических – для выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего" (с. 188). Думаем, что примеров достаточно для иллюстрации.

Язык в РЖ – не фикция, не "результат рефлексии", а общая для коллектива ("народа") система средств (лексических, морфологических, а также упоминаемых в РЖ интонационных), из которых в процессе речевого общения строятся высказывания. Все это соответствует Ф.де Соссюру, нет лишь соссюрковского акцента на проблемах "внутренней лингвистики", изучения языка.

Вряд ли изменение концепции произошло по причинам, которые имеет в виду Л.А. Гогтишвили, и "глубинно" М.М. Бахтин по-прежнему не признавал соссюрские идеи. Все можно объяснить проще. Как только лингвист обращается к анализу конкретного материала, ему неизбежно от взглядов трудно проигнорировать, например, грамматику изучаемого языка. Изучая высказывания, приходится учитывать существование их компонентов: предложений и слов. А эти компоненты уже как-то описывались на основе идей "абстрактного объективизма". Это, вероятно, менее явно ощущалось при рассмотрении более крупных частей высказывания, как это происходило при изучении чужой речи в МФЯ. Но чем более привлекался конкретный материал, тем более необходимым оказывалось учитывать и "язык как систему нормативно тождественных форм". Максималистская позиция МФЯ оказывалась слишком утопичной.

Точка зрения М.М. Бахтина в РЖ более близка позиции тех ученых, которые стремились дополнить лингвистику языка лингвистикой речи. Здесь особенно надо отметить книгу А. Гардинера "Теория речи и языка" [Gardiner 1932], о которой мы уже писали [Алпатов 1999]. Схожий подход был и у К. Бюлера [Бюлер 1993] (оригинал издан в 1934 г.). Ср. также интересные и, на наш взгляд, недооцененные идеи В.И. Абаева о "языке как технике" и "языке как идеологии" [Абаев 1934].

Итак, надо было не строить науку о речи и языке заново, а дополнять ее там, где пробелы были очевидны. Для М.М. Бахтина в 50-е гг. теория языка не представляла интереса не потому, что она не нужна, как это получалось в МФЯ, а потому, что она уже существует, тогда как теории parole – высказывания нет. Важно однако отграничить их.

Соссюрскому parole в РЖ, как и в МФЯ, соответствует "высказывание" (с. 183). Наряду с ним появляется новый термин "речевое общение", по мнению Л.А. Гогтишвили (с. 543), взятый у Л.П. Якубинского. Им заменяется "речь", использовавшаяся в сходном значении в тезисах 1952 г. Высказывание прямо определяется как "единица речевого общения" (с. 167). Тем самым как наиболее общие понятия противопоставлены "язык" и "речевое общение", а у каждого из них есть свои единицы: для языка – слова и предложения, для речевого общения – высказывания. И так на месте parole уже оказывается не столько высказывание, сколько речевое общение. При этом в отличие от parole Ф.де Соссюра – это явление не индивидуально, а социально; впрочем, так же подходил к речи и А. Гардинер. Термин "речь", соответствовавший в МФЯ соссюрскому "langage", в РЖ употребляется в основном в составе устойчивых сочетаний "речевое общение" и "речевые жанры"; собственно о речи говорится лишь эпизодически и, по-видимому, без терминологического смысла.

Речевое общение понимается в РЖ как процесс минимум с двумя активными участниками, использующими общую для них систему языка. В связи с этим и критикуется Ф.де Соссюр (а также В.фон Гумбольдт и К. Фосслер), у которого "дается схема активных процессов речи у говорящего и соответствующих пассивных процессов восприятия и понимания речи у слушающего" (с. 169). На самом же деле "всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной)" (с. 170).

О речевом общении в РЖ сказано не так много, главное внимание уделено его единице – высказыванию, прежде всего проблеме его границ. Подчеркнуто: "Высказывания... обладают... общими структурными особенностями, и прежде всего совершенно четкими границами... По сравнению с границами высказываний все остальные границы (между предложениями, словосочетаниями, синтагмами, словами) относительно и условны" (с. 172). Каковы эти границы? Фактически даны два разных критерия

для устного и письменного текста, хотя они рассматриваются как что-то единое: "Всякое высказывание – от короткой (однословной) реплики бытового диалога и до большого романа или научного трактата имеет, так сказать, абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, после его окончания – ответные высказывания других... Высказывание – это не условная единица, а единица реальная, четко отграниченная сменой речевых субъектов, кончающаяся передачей слова другому" (с. 172–173).

В диалоге высказывание равно реплике одного говорящего. На письме, судя по упоминанию романа и трактата, это законченный связный текст. Остаются, впрочем, неясные случаи. Одно высказывание или множество высказываний, например, сборник рассказов или научных статей одного автора, по крайней мере, если это не цикл? Но безусловно с таким определением можно работать.

Итак, главная особенность высказывания – принадлежность одному говорящему. Другая особенность – "специфическая завершенность высказывания". Здесь на первый план уже выносятся не формальные признаки вроде Dixi. «Первый и важнейший критерий завершенности высказывания – это возможность ответить на него, точнее и шире – занять в отношении его ответную позицию (например, выполнить приказание). Этому критерию отвечает и короткий бытовой вопрос, например "Который час?" (на него можно ответить), и бытовая просьба, которую можно выполнить или не выполнить, и научное выступление, с которым можно согласиться или не согласиться (полностью или частично), и художественный роман, который можно оценить в его целом» (с. 178). Могут, конечно, возникать вопросы. Например, собеседник может перебить высказывание и не дать ему закончиться. С одной стороны, на него дан ответ, с другой стороны, оно явно не закончено.

Другими критериями законченности, менее важными, признаются "предметно-смысловая исчерпанность", "речевой замысел или речевая воля говорящего" и "типические композиционно-жанровые формы высказывания" (с. 179). Все эти факторы различны в зависимости от жанра.

Много места отведено в РЖ вопросу о разграничении высказывания и предложения. Здесь более всего присутствует полемика с русскими и советскими лингвистами. Предложение впрочем определяется не очень четко и в основном негативно. Для М.М. Бахтина прежде всего важно, чем предложение не является: оно не может определять ответ, не ограничивается с обеих сторон сменой речевых субъектов, не имеет непосредственных контактов с действительностью и непосредственного отношения к чужим высказываниям, не может вызывать ответ (с. 176). Предложение и высказывание могут совпадать по протяженности, но не по свойствам. Вопрос о сущности единиц языка в законченном виде формулируется так: "Предложение, как и слово, обладает законченностью значения и законченностью грамматической формы, но эта законченность значения носит абстрактный характер и именно потому и является такой четкой; это законченность элемента, но не завершенность целого. Предложение, как единица языка, подобно слову, не имеет автора. Оно ничье, как и слово, и, только функционируя как целое высказывание, оно становится выражением позиции индивидуального говорящего в конкретной ситуации речевого общения" (с. 187). Отечественная лингвистика критикуется М.М. Бахтиным за неумение выходить за пределы предложения и приблизиться к высказываниям.

Третье главное свойство высказывания, наряду с принадлежностью одному говорящему и законченностью, – принадлежность к той или иной "жанровой форме" (с. 180). Проблема речевых жанров – вторая, наряду с проблемой высказывания, тема данной работы, вынесенная в заглавие.

В РЖ дается такое определение речевого жанра: "Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами" (с. 159). Подчеркивается, что в науке не было общей теории речевых жанров, хотя разные жанры изучались, но в разных дисциплинах и по-разному.

Литературные и риторические жанры исследовали соответствующие науки, а бытовые жанры рассматривались лингвистикой без использования термина "жанр". Такое изучение "ограничивалось спецификой устной бытовой речи, иногда прямо ориентируясь на нарочито примитивные высказывания (американские бихевиористы)" (с. 161). Здесь единственный раз в РЖ речь заходит о западной лингвистике эпохи после написания МФЯ; сведения о дескриптивизме, который здесь имеется в виду, почерпнуты, вероятно, из книги [Шор, Чемоданов 1945], упоминаемой в саранских черновиках.

М.М. Бахтин указывал на "богатство и разнообразие речевых жанров" (с. 159). "К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога..., и бытовой рассказ, и письмо (во всех разнообразных формах), и короткую стандартную военную команду, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений...., но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)" (с. 160).

В отличие от заданных критериев определения границ высказывания каких-либо критериев разграничения жанров в РЖ не дается; остается неясным, что считать отдельными жанрами, а что разновидностями одного речевого жанра. Сам М.М. Бахтин отмечал: "Номенклатуры устных речевых жанров пока не существует, и даже пока не ясен и принцип такой номенклатуры" (с. 182). Предложено лишь два параметра для классификации речевых жанров. Во-первых, это деление на первичные (простые, бытовые) и вторичные (сложные) речевые жанры, к последним относятся "романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п." (с. 161). Вторичные речевые жанры могут "вбирать" в себя первичные (реплики диалога в романе и т.д.), но там первичные жанры уже выступают как части более сложного высказывания. Второй параметр – разграничение стандартизированных жанров (приветствия, прощания, пожелания и пр.), где говорящий мало что может привнести от себя, и более "свободных" жанров (с. 181–182).

В связи с системой жанров второй и последний раз автор РЖ полемизирует с Ф. де Соссюром: "Соссюр игнорирует тот факт, что кроме форм языка существуют еще и комбинации этих форм, то есть игнорирует речевые жанры" (с. 183–184). Для Ф. де Соссюра свобода говорящего ограничена лишь "принудительным" использованием системы языка, но, согласно М.М. Бахтину, "говорящему даны не только обязательные для него формы высказывания общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры" (с. 183). Формулировки "общенародный язык", "словарный состав и грамматический строй" явно навеяны сталинской брошюрой. Безусловно, понимание языка у Ф. де Соссюра и вряд ли его читавшего И.В. Сталина было сходным; см. [Тапака 2000: 166]. В основе у обоих лежало то, что когда-то в МФЯ было названо "абстрактным объективизмом". Для М.М. Бахтина эта точка зрения теперь не столько неверна, сколько недостаточна: теорию языка надо дополнить теорией высказывания и речевых жанров. Лишь их совокупность даст возможность приблизиться к правильному пониманию того, как человек говорит: "Речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык... Научиться говорить – значит научиться строить высказывания" (с. 181).

Гораздо меньше, чем о жанрах, говорится в РЖ о стилях; четкого определения стиля, в отличие от жанра, не дается. Обращают на себя внимание такие формулировки: "Стиль входит как элемент в жанровое единство высказывания" (с. 164); "Литературный язык – это сложная динамическая система языковых стилей" (с. 165). Тем самым получается, что стиль – понятие, относящееся к языку и соотносимое с жанром, относящимся к высказыванию. Однако такой подход не эксплицирован.

Кратко остановимся еще на трех более частных проблемах, затронутых в РЖ: проблеме экспрессии, проблеме чужой речи и проблеме адресата высказывания.

М.М. Бахтин спорил с идеями А.М. Пешковского и др., приписывавших "эмоциональную окраску" словам и предложениям. Согласно его концепции, эти единицы "как

средства языка, совершенно нейтральны по отношению ко всякой определенной реальной оценке", получая "экспрессивную сторону" "только в конкретном высказывании" (с. 188). В связи с этим рассматривается вопрос об интонации. Экспрессивная интонация – "конститутивный признак высказывания", она не обладает "той силой принудительности, которой обладают формы языка" (с. 191–192). Итак, указано на некоторую формальную характеристику, относящуюся именно к высказыванию, то есть к речевому общению, а не к языку. Однако не все виды интонации таковы: есть чисто языковые интонации (законченности, перечислительная и пр.) и "скрещенные" интонации, где есть и то, и другое (вопросительная, восклицательная, побудительная) (с. 194).

Проблема интонации тесно связана с проблемой чужой речи, о чем говорилось еще в МФЯ. Последняя проблема, выделенная в МФЯ как образец проблемы, не решаемой традиционными лингвистическими методами, сходным образом решается и в РЖ: "Взаимоотношение между введенной чужой речью и остальной – своей – речью не имеют никаких аналогий ни с какими синтаксическими отношениями в пределах простого и сложного синтаксического целого, ни с предметно-смысловыми отношениями между грамматически не связанными отдельными синтаксическими целыми в пределах одного высказывания. Зато эти отношения аналогичны (но, конечно, не тождественны) отношениям между репликами диалога" (с. 197). Тем самым способы передачи чужой речи, подробно изученные в МФЯ и почти не затронутые в РЖ, также – предмет лингвистики высказывания, а не лингвистики языка.

Если передача чужой речи – ответ на "предшествующие звенья речевого общения", то "учет возможных ответных реакций" связывает высказывание с его "последующими звеньями" (с. 199–200). Такой учет сильно зависит от жанра: на одном полюсе фамильярные и интимные жанры, где он максимален, на другом – "нейтральные и объективные", где адресат максимально обобщен. Можно предполагать, что и способы передачи отношения к адресату М.М. Бахтин относит к лингвистике высказывания. Но прямо об этом не сказано, и на обсуждении данной проблемы текст обрывается.

Итак, в РЖ разграничены речевое общение, высказывания как его единицы и язык, поставляющий средства для построения высказываний, намечено разграничение основных типов высказываний – речевых жанров, выделены некоторые классы явлений, которые должна изучать дисциплина, изучающая высказывания (названия у этой дисциплины здесь еще нет). Безусловно это очень серьезная, хотя и не во всем разработанная концепция, в ряде положений опередившая время.

Однако текст закончен не был, а судя по черновикам, предполагалось обсудить еще некоторые проблемы. Причины прекращения работы нам неизвестны, о них можно лишь гадать. Может быть, автор не был удовлетворен написанным; может быть, наоборот, прояснив для себя основные пункты концепции, ученый потерял интерес к дальнейшему ее развитию. Своим собеседникам в конце жизни сам М.М. Бахтин "говорил о незавершенности как стиле своей работы – незавершенности внутренней и внешней" [Бочаров 1993: 86]. Проявилось это и здесь.

4. "ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ"

Это – черновые записи, делавшиеся позже РЖ: в конце 1954 – начале 1955 г. Как показывает Л.А. Гоготишвили, они представляли собой отклик на проходившую в это время в "Вопросах языкознания" дискуссию по стилистике; опять-таки главным оппонентом служит В.В. Виноградов, взгляды которого поддерживались и развивались большинством участников данной дискуссии. По-видимому, и здесь одно время планировалось написать статью, но работа над ней была прервана на более ранней стадии, чем в случае РЖ.

В данных набросках об общих вопросах языка и высказывания почти не говорится, кроме одной фразы, где ставится "проблема взаимоотношения языка и речи (но не индивидуального высказывания, *parole* в сосюрловском смысле, а речевого общения)" (с. 294). В отличие от РЖ здесь "речь" и "речевое общение" выступают как синонимы; ср. использование термина "речь" в этом смысле в ранних саранских набросках.

Текст представляет собой отклик на проблемы, затрагивавшиеся в журнальной дискуссии; прежде всего на две из них: о правомерности выделения особого стиля художественной литературы и об отношении между лингвистической и литературоведческой стилистикой.

На первый вопрос дается однозначно отрицательный ответ: стиль художественной литературы "нельзя рассматривать как определенный функциональный стиль, подобный стилю научной речи. В нем мы найдем все возможные языковые, речевые, функциональные стили, социальные и профессиональные жаргоны и т.п." (с. 289); "Нет такого стиля (функционального и экспрессивного), такого жанра, такой формы языка. для которого нельзя было (бы) найти ярчайшего примера в художественной литературе" (с. 295). С этой идеей связана и другая: о двойной роли языка в художественной литературе: "Язык в литературе существует в двух модусах, в других сферах – только в одном" (с. 290); он и "средство изображения или выражения", и "объект изображения" (с. 289). В этом один из главных пунктов полемики М.М. Бахтина с В.В. Виноградовым: для последнего язык был только средством изображения, даже в случае речи персонажей.

Здесь же мы видим один из редких случаев упоминания в саранских текстах идеи о творческом характере языка, восходившей к В. фон Гумбольдту и столь активно провозглашавшейся в МФЯ: говорится о том, что художественное познание языка учит творческому использованию языка; "именно в этом состоит формирующее влияние литературы на развитие общенародного языка, а не в том, что литература дает образцы правильного и хорошего языка" (с. 291).

О лингвистической и литературоведческой стилистике говорится прежде всего с точки зрения того, что они слишком далеко отстоят друг от друга: литературоведческая стилистика в основном изучает тропы в авторской речи, а "лингвистическая стилистика интересовалась преимущественно речевыми стилями (функциональными и экспрессивными), социальными и профессиональными жаргонами и т.п., рассматривая их как факты языка" (с. 293). В результате "литературоведческая стилистика... совершает прыжок из области лингвистики в области эстетики, мировоззрения, политики и т.д. Лингвистическая стилистика останавливается, не дойдя до этих пограничных вопросов. Мы считаем эту проблему пограничной. Такие проблемы имеют исключительно важное принципиальное значение" (с. 294). Однако ничего конкретного об этих проблемах не говорится.

Текст, посвященный стилистике, естественно, многократно содержит упоминания о стилях. Этот термин, не получивший четкости в РЖ, не приобретает ее и здесь. Ср. две приведенные выше цитаты: в одной из них через запятую говорится о "языковых, речевых, функциональных стилях", в другой функциональные стили рассматриваются как частный случай речевых. Отметим термин "речевые стили", которого не было в РЖ. В то же время о жанрах в данном тексте сказано очень мало. Безусловно, автор прервал работу над ним на очень раннем этапе.

5. ТЕКСТЫ О ТЕКСТЕ

В томе собрания сочинений нет каких-либо материалов, относящихся к 1956–1958 гг. Далее же публикуются тексты, относящиеся к 1959–1961 гг. Наиболее связанная часть их публикуется под названием "Проблема текста". Она представляет собой развернутый план широко задуманной, но опять-таки не осуществленной работы. Некоторые пункты лишь обозначены, некоторые развернуты в связные тексты, иногда близкие к готовому состоянию. "Проблемы текста" (далее – Т) несколько напоминают отчет В.Н. Волошинова от мая 1928 г., в котором даются план первоначального варианта МФЯ и "Руководящие мысли работы", то есть данные по пунктам фрагменты текста [Волошинов 1995].

К концу 50-х гг. ситуация в советской лингвистике изменилась по сравнению со временем написания РЖ. Давно забыли про сталинскую брошюру. Зато значительно

расширилось знакомство с современной зарубежной наукой. Это отразилось и в Т, где упоминаются глоссематика, дескриптивизм, фонология. Учтены также появившиеся за это время советские работы по интересовавшей М.М. Бахтина тематике, особенно книга В.В. Виноградова "О языке художественной литературы".

В тематике данной работы имеются переключки с "Языком в художественной литературе" (пограничные вопросы между лингвистикой и литературоведением), РЖ (язык и высказывание) и даже МФЯ (проблема знака, совсем не затронутая в РЖ). В то же время проблемы жанров и стилей в Т не рассматриваются совсем.

Появляется и нечто новое, прежде всего понятие текста. К тому времени данный термин стал в советской лингвистике довольно распространенным, особенно в структуралистских работах. Однако во многих случаях в Т говорится то же или примерно то же самое, что о высказывании в РЖ. И при этом термин "высказывание" сохраняется. Несколько раз говорится о "тексте как высказывании" (с. 307, 308), а один из пунктов формулируется так: "Текст как высказывание, включенное в речевое общение (текстовую цепь) данной сферы" (с. 308). Но в РЖ высказывание как раз рассматривалось как единица речевого общения. Также говорится о том, что текст индивидуален и что за каждым текстом стоит система языка. Новое по сравнению с РЖ, правда, упоминание о языке как системе знаков: «Если за текстом не стоит "язык", то это уже не текст, а естественно-натуральное (не знаковое) явление» (с. 308). То есть повторяется знаковая концепция МФЯ с добавлением нового термина "текст". Отличие текста от высказывания так и остается непроясненным.

В то же время в одном месте разграничиваются речь и речевое общение, ранее то приравнивавшиеся друг к другу, то разделявшиеся без четкого определения речи: "Речевой субъект (обобщенная "натуральная" индивидуальность) и автор высказывания. Смена речевых субъектов и смена говорящих (авторов высказывания). Язык и речь можно отождествлять, поскольку в речи стерты диалогические рубежи высказываний. Но язык и речевое общение (как диалогический обмен высказываниями) никогда нельзя отождествлять" (с. 312). И так, речь – нечто промежуточное между языком и речевым общением? Это разграничение далее не развивается. Естественным было бы предположить, что из двух конкурирующих понятий: "текст" и "высказывание", – один связан с речью, а другой – с речевым общением. Однако оба понятия явно связываются М.М. Бахтиным с речевым общением: подчеркивается их принадлежность автору и пр.

М.М. Бахтин указывает на "первичную данность" текстов, от которой можно двигаться в разных направлениях: "Можно идти к первому полюсу, т.е. к языку, языку автора, языку жанра, направления, эпохи, национальному языку (лингвистика) и, наконец, к потенциальному языку языков (структурализм, глоссематика). Можно двигаться ко второму полюсу – к неповторимому событию текста. Между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста. Оба полюса безусловны: безусловен потенциальный язык языков и безусловен единственный и неповторимый текст" (с. 310). Отметим здесь терминологическое новшество: "лингвистикой" предлагается называть дисциплину, изучающую конкретные языки в отличие от "языка вообще", которым занимались глоссематики (структурализм все же изучал и то, и другое). Впрочем, Л. Ельмслев как раз и предлагал называть "глоссематикой" именно то, что М.М. Бахтин называет изучением "потенциального языка языков", что однако не прижилось.

Но из приведенной цитаты видно и другое: изучение языка должно быть отделено от изучения самих текстов, высказываний. Следует пункт: "Целая сфера между лингвистическим и смысловым анализом; эта сфера выпала для науки" (с. 312). Перечислены некоторые вопросы данной сферы: проблема "образа" автора в произведении, "двуголосого слова" и т.д. Для данной дисциплины предлагается новое название, ранее отсутствовавшее в саранских текстах: металингвистика. "Диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания, относятся к металингвистике. Они в корне отличны от всех возможных

лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании. Металингвистический характер высказывания (речевого произведения)... Чем же определяются незыблемые рубежи высказывания? Металингвистическими силами" (с. 322). По предложению Л.А. Гоготишвили, термин "металингвистика" мог быть заимствован у Б. Уорфа (с. 642). Работы этого ученого как раз в это время были изданы по-русски [Уорф 1960]; впрочем, у него термин "металингвистика" имеет несколько иное значение.

В итоге Т еще раз повторяется общая идея всех саранских текстов: "Предметом лингвистики является только материал, только средство речевого общения, а не само речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические), не формы речевого общения и не речевые жанры" (с. 326). Под этим высказыванием мог бы подписаться и последовательный "абстрактный объективист". Разница в одном: последователи Ф.де Соссюра, разграничив два круга проблем, отвлекались от существования одного из них, а для М.М. Бахтина именно он был в центре внимания.

Фрагменты, озаглавленные в собрании сочинений "1961 год. Заметки", не представляют собой в отличие от Т чего-то единого и связного, тематически примыкая к Т. Отметим такую фразу из них: "Лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением. То же, что она говорит о произведении, привносится контрабандным путем и из чисто лингвистического анализа не вытекает" (с. 334). Л.А. Гоготишвили комментирует это, считая, что текст тут окончательно отнесен к лингвистическим понятиям, а в итоге М.М. Бахтин пришел к такому разграничению: высказывание – реальная единица языкового общения, а текст – высказывание в изоляции от диалога (с. 651, 656). В Т текст явно понимался иначе, но безусловно, дальнейший ход развития идей должен был привести либо к исключению одного из конкурирующих понятий, либо к разграничению их значений. Но до конца такое разграничение все же не было проведено.

И вновь в одном из самых поздних лингвистических текстов М.М. Бахтина звучит поднятая еще в "Слове в жизни и слове в поэзии" (1926) тема говорящего, слушателя и "героя": "Слово – это драма, в которой участвуют три персонажа (это не дуэт, а трио)" (с. 332); третий – тот, о ком говорят. Ср. у А. Гардинера об акте речи как "драме в миниатюре" со своим набором действующих лиц: говорящий, слушающий и предмет речи [Gardiner 1932: 83]. М.М. Бахтин далее добавляет и еще одного участника речевого общения: "наадресата", находящегося "в метафизической дали или в далеком историческом времени", это может быть Бог, народ, наука, суд истории и т.д. (с. 337).

Затем работа над темой была прервана. Кроме возможных причин, аналогичных причинам прекращения работы над РЖ, тут была еще одна: как раз в это время появилась возможность издать новый вариант книги о Достоевском. Как отмечает Л.А. Гоготишвили, в рабочих тетрадях с некоторого места записи по лингвистике сменяются записями о Достоевском (с. 658).

6. ФРАГМЕНТ О МЕТАЛИНГВИСТИКЕ В "ПРОБЛЕМАХ ПОЭТИКИ ДОСТОЕВСКОГО"

Однако в процессе переработки книги М.М. Бахтин счел необходимым включить туда некоторые идеи, к которым он пришел в годы своих лингвистических занятий. Далее цитаты приводятся по последнему прижизненному изданию [Бахтин 1972] с указанием номеров страниц.

В начале пятой главы книги "Слово у Достоевского" сказано, что проблематику главы "можно отнести к металингвистике, понимая под ней неоформившееся еще в определенные отдельные дисциплины изучение тех сторон жизни слова, которые выходят – и совершенно правомерно – за пределы лингвистики. Конечно, металингвистические исследования не могут игнорировать лингвистики и должны пользоваться

ее результатами. Лингвистика и металингвистика изучают одно и то же конкретное, очень сложное и многогранное явление – слово (выше оно приравнивается к языку – В.А.), но изучают его с разных сторон и под разными углами зрения. Они должны дополнять друг друга, но не смешиваться" (с. 309–310). "Диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову) – предмет металингвистики... В языке, как предмете лингвистики, нет и не может быть никаких диалогических отношений" (с. 311). В том числе "не может быть диалогических отношений и между текстами, опять же при строго лингвистическом подходе к этим текстам" (с. 311). «Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка... Но лингвистика изучает сам "язык" с его специфической логикой в его общности, как то, что делает возможным диалогическое общение, от самих же диалогических отношений лингвистика последовательно отвлекается. Отношения эти... должны изучаться металингвистикой, выходящей за пределы лингвистики и имеющей самостоятельный предмет и задачи» (с.312).

Если сравнить понимание металингвистики в Т и здесь, то видно некоторое различие, хотя бы в акцентах. В Т металингвистика скорее понимается как учение о высказывании в отличие от лингвистики, изучающей единицы и отношения между ними в пределах высказывания. Теперь же М.М. Бахтин считает, что объект изучения у двух дисциплин один, но под разным углом зрения; диалогические отношения, и в Т признававшиеся главным объектом изучения металингвистики, теперь становятся не просто главным, а единственным его объектом. Любопытна формулировка о том, что логические и предметно-смысловые отношения, изучаемые лингвистикой, чтобы стать диалогическими, должны "стать словом, то есть высказыванием, и получить автора" (с. 314). Снова слово приравнивается к высказыванию, как в волошиновском цикле, но не в РЖ и примыкающих работах, где "слово" понимается в обычном лингвистическом смысле. Высказывание по-прежнему выносится за пределы лингвистики, но о его свойствах, за исключением наличия автора, ничего не говорится. Текст же окончательно разводится с высказыванием и понимается, как и язык, в качестве явления, которое может изучаться и лингвистикой, и металингвистикой.

Хронологически наиболее поздний текст дошел до читателя раньше всего. Но при значительном резонансе издания 1963 г. этот фрагмент не вызвал у нас большого интереса: книгу читали прежде всего литературоведы, для которых отвлечение от собственно лингвистических проблем не надо было обосновывать. А лингвисты прошли мимо.

Большой интерес вызвали публикация Т в 1976 г. и РЖ в 1979 г. Ряд их идей отразился в отечественной лингвистике: см. книги [Падучева 1985: 29; 1996: 338] и специально связанную с развитием идей РЖ статью [Федосюк 1997]. Однако в целом концепция М.М. Бахтина остается у нас мало востребованной. Показательно, что на издание 1996 г. у нас откликнулись лишь нелингвисты. А между тем развитие современной лингвистики все более включает в себя проблематику, поднятую М.М. Бахтиным еще 40–50 лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* 1934 – Язык как идеология и язык как техника // Язык и мышление. П. М.; Л., 1934.
- Алпатов В.М.* 1995 – Книга "Марксизм и философия языка" и история языкознания // ВЯ. 1995. № 5.
- Алпатов В.М.* 1999 – Алан Гардинер – теоретик языкознания // Древний Египет: язык – культура – сознание. М., 1999.
- Бахтин М.М.* 1972 – Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Бахтин М.М.* 1996 – Собрание сочинений. Т. 5. М., 1996.
- Бочаров С.Г.* 1993 – Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993, № 2.

Бюлер К. 1993 – Теория языка. М., 1993.

Волошинов В.Н. 1995 – Личное дело В.Н. Волошинова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995, № 2.

Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.

Падучева Е.В. 1996 – Семантические исследования. М., 1996.

Соссюр Ф.де 1977 – Труды по языкознанию. М., 1977.

Уорф Б. 1960 – Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

Федосюк М.Ю. 1997 – Нерешенные проблемы языковых жанров // ВЯ. 1997. № 5.

Шор Р.О., Чемоданов Н.С. 1945 – Введение в языкознание. М., 1945.

Gardner A.H. 1932 – The theory of speech and language. Oxford, 1932.

Tanaka K. 2000 – "Sutaarin-gengogaku"-seidoku. Tokyo, 2000.